

ния этого материала в исторический источник, на основе которого возможны широкие выводы. Непременным условием получения достоверных результатов является постоянное совершенствование методики исследования.

2. Наиболее эффективным методом определения общих принципов планировки трипольских поселений является аэрофотосъемка в сочетании с геомагнитной разведкой, незаменимые также в оперативном определении мест стационарных раскопок.

3. Приступая к раскопке поселения, которая, как правило, начинается со вскрытия одной или нескольких построек, следует учитывать основные их типы, определяемые природными условиями и ресурсами местности в древности, и характер разрушения домов под воздействием природных и других факторов, проверенных по этнографическим и экспериментальным данным.

4. Принципиальная схема трипольского дома, констатирующая его сложную вертикальную и горизонтальную планировку, не может служить основанием для полной реконструкции жилищ и их расположения на поселении.

Интерпретация данных аэрофотосъемки, проверенная геомагнитной разведкой и визуальными осмотрами, позволила выявить огромные памятники, занимающие несколько сотен гектаров каждый (Майданецкое, Доброводы и др.). Для конца III тыс. до н. э. это исключительное явление в сочетании со сложной планировкой строительных комплексов, свойственной трипольским жилищам, свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне развития архитектуры Триполья. Сложная картина сочетания жилых и подсобных помещений дома, впервые обнаруженная благодаря методу выделения среди необожженных остатков оснований капитальных стен и простенков, позволяет характеризовать каждое жилище как самостоятельную хозяйственно-экономическую единицу поселения на раннем (Александровка) и позднем (Майданецкое) этапах развития трипольской культуры. В то же время расположение хозяйственных помещений между жилыми комнатами соседних домов, характеризующимися наличием «площадок» и большим количеством разнообразного инвентаря, свидетельствует о том, что жилые комплексы примыкали друг к другу. По расположению обожженных остатков центральных помещений домов нельзя произвести графическую реконструкцию поселения, тем не менее они свидетельствуют о четкой системе планировки поселений независимо от их масштабов и времени существования в рамках Триполья. Это прослеживается на небольших памятниках, где «площадки» располагаются рядами, а также на крупных поселениях с круговой планировкой. В обоих случаях присутствует замкнутая система застройки домов с вертикальным развитием, которую можно объяснить исключительно нуждами обороны, тем более, что ландшафт лесостепи, зоны расселения трипольских племен, не препятствовал распространению усадеб по горизонтали.

Таким образом, факт консолидации семей, владевших отдельными домами и отразившийся в устройстве поселений, преследующем их оптимальную оборонеспособность, очевиден. Такая планировка населенных пунктов по этнографическим данным свойственна народам, сохраняющим патриархальную клановую систему. Поселки-крепости при патриархальном быте можно встретить у разных народов мира²⁷.

²⁷ Льюис Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, с. 94; М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 190; В. Кузнецов, Н. Лунев. Дагомея. М., 1974, с. 70.

Особого внимания заслуживает тщательно подготовленное сожжение трипольских поселений, повсеместное для Триполья и производившееся, очевидно, самими жителями. Это явление, а также отсутствие следов перестроек и замкнутая стандартная планировка однослойных трипольских памятников, практически исключая возможность их разрастания, свидетельствуют не только о том, что поселения одновременно покидались, но и возникали в необходимых для переселенцев масштабах. Массовые переселения групп трипольских племен вполне возможны с точки зрения гипотез об экстенсивном землепользовании, высказанных в работах Г. Чайлда, С. Н. Бибилова и др. Вероятность таких явлений и планомерный их характер позволяют предполагать сложную и в то же время определенную систему социально-экономического устройства при четкой идеологической доминанте у трипольских племен. Данные предположения, не выходя за рамки рабочих гипотез, подчеркивают роль домостроительства племен трипольской культуры как исторического источника и актуальность дальнейшей разработки метода его исследования.

Э. Ф. ПАТЮКОВА

УСАТОВО. ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования новых археологических памятников за годы Советской власти в значительной степени изменили прежние взгляды на древнейшую историю населения юга европейской части СССР. Одним из наиболее известных неолитических памятников Северо-Западного Причерноморья явился Усатовский археологический комплекс, который исследовался в основном сотрудниками Одесского археологического музея и неразрывно связан с именами советских археологов М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодской. Аналогичные памятники были известны и раньше из дореволюционных исследований на юге Украины и Молдавии¹, но должное научное определение они получили только после систематических раскопок в Усатове.

Край степного плато на левом берегу Хаджибейского лимана на расстоянии 8 км к северо-западу от г. Одессы между селами Усатово и Б. Куяльник привлек внимание исследователей благодаря тому обстоятельству, что в обрывах провалов, образовавшихся в районе находящихся там каменоломен, обнаружился культурный слой, густо насыщенный ракушками, костями животных, обломками посуды. В период с 1916 по 1919 г. местными старожилами неоднократно представлялись в Одесское общество истории и древностей коллекции посуды, кремней и т. д.² В 1917 г. членами общества была произведена первая рекогносцировка места находок, установившая значительное разруше-

¹ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, с. 143; Д. Я. Самоквасов. Могила русской земли. М., 1908, с. 20—22; А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. — ЗООИД, т. XXII, Одесса, 1900, с. 123—145.

² Памятник открыт в 1912 г. землемером Э. Ф. Вернером. В заседаниях Общества 448-М 17/X 1916 г., 453-М 25/IV 1917 г., 454-М 14/X 1917 г. и 459-М 11/X 1919 г. зафиксирована передача находок из Усатово гимназистом Максом Моргулисом.

ние памятника и наличие в соседстве с ним, на восточной окраине села Усатово, «невысоких округлых курганов»³.

Исследование Усатово началось в плановом порядке только после установления в Одессе Советской власти и организации Губернского комитета охраны памятников искусства, старины и природы (Губкописа). В 1921 г. были начаты раскопки памятника под руководством М. Ф. Болтенко⁴. На площади поселения происходила многолетняя разработка строительного материала — раковистого известняка, поэтому часть поселения была уничтожена полностью, а часть засыпана обвалами этих разработок. Полевые работы можно было проводить только на открытых участках, что значительно осложняло исследование памятника.

Исходным пунктом этих раскопок и, по-видимому, центром древнего поселения были окраинные усадьбы нынешнего с. Б. Куяльник (раскоп В)⁵. Здесь, по свидетельству М. Ф. Болтенко, была открыта многослойная стратиграфия, наиболее четко прослеженная на памятнике за все годы раскопок⁶. Эта стратиграфия давала ряд прослоек с культурными остатками, которые вместе составляли 1,1 м и соответствовали, по мнению М. Ф. Болтенко, различным периодам в истории усатовского общества⁷. На площади у восточной окраины с. Усатово (раскоп А) было открыто четыре каменные кладки.

Раскопки 1921 г. дали представление о производственно-хозяйственном облике памятника: несомненное преобладание скотоводства наряду с охотой и рыболовством, собирание морских моллюсков, наличие земледелия, ткачества, изготовление глиняной посуды. Отсутствие среди находок 1921 г. металлических изделий заставило М. Ф. Болтенко в публикации ограничиться названием места раскопок «поле культурных остатков». находка куска руды сурьмяного блеска малоазиатского происхождения указывала на связи памятника⁸. Результаты изучения керамической коллекции, добытой раскопками 1921 г., были обобщены М. Ф. Болтенко в отдельной статье (выделены две основные группы посуды, детально описаны виды и способы ее орнаментации)⁹.

В 1926 г. раскопки на Усатовском поселении возобновились. На раскопе В была повторно подтверждена стратиграфия, установленная М. Ф. Болтенко в 1921 г.¹⁰, и открыт комплекс сооружений и находок, связанный, по-видимому, с культом солнца¹¹.

Исследования распространились также на первый курганный могильник, расположенный на территории с. Усатово в непосредственной близости от поселения. Курганы располагались на усадьбах местных жителей по обе стороны ул. Кирова. В 1921 г., когда последняя была

³ М. Ф. Болтенко. Раскопки в с. Усатово (1912 г.). — Архив ОАМ, с. 17.

⁴ Помощником М. Ф. Болтенко на раскопках 1921 г. был будущий известный египтолог В. И. Авдиев.

⁵ М. Ф. Болтенко. Раскопки Большекуяльницкого поля культурных остатков. — ВОКК, ч. 2-3. Одесса, 1925, с. 5—20.

⁶ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. — МАСП, вып. 1. Одесса, 1957, с. 25—27.

⁷ Там же, с. 26—27, 29.

⁸ Д. Б. Калустов. Данные анализа некоторых находок из усатовских раскопок 1921 г. — ВОКК, ч. 2-3. Одесса, 1925, с. 22—23.

⁹ М. Ф. Болтенко. Керамика з Усатова. — ТКУ, вып. I. К., 1926.

¹⁰ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 27.

¹¹ М. Ф. Болтенко. Раскопки в Усатово в 1926 г. — Архив ОАМ, с. 28; О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України. — Вісник АН УРСР, 1948, № 6, с. 49.

менее заселена, М. Ф. Болтенко указывал, что расположение курганов производит «впечатление системы», что они «располагались небольшими группами тесно примыкающих друг к другу могил, составляя как бы родовое кладбище»¹². Всего зафиксировано около 20 курганов. Был раскопан курган I—1¹³ — ближайший к поселению и самый маленький (высота 12,5 см), погребальный инвентарь которого полностью соответствовал находкам «усатовского слоя» на поселении. Открытие при центральном погребении медного кинжала позволило определить возраст памятника.

Уже первые раскопки в Усатово показали их большое значение для выявления древнейших этапов исторического развития Северного Причерноморья. На протяжении многих лет при изучении этой территории исследовались в основном античные памятники (Ольвия, Березань и др.). Раскопками у Усатово было положено начало систематическому изучению доисторического периода этих мест.

Раскопки Усатовского поселения в 1928—1929 гг. представляют особый научный интерес. Их основным достижением явилось открытие прямоугольных, вырубленных в известняке углублений, так называемых «коридоров» различной протяженности. Самый большой «коридор» достигал длины 24 м, был ориентирован с севера на юг и выходил к обрыву плато. Вдоль края «коридора» стояли вертикально поставленные плиты, составляющие его наземную часть. Кроме большого, открыто еще четыре «коридора» меньшего размера. Во всех этих сооружениях на стороне, противоположной входу, помещался очаг, отличавшийся мощным слоем золы, обожженными камнями пола и части стенки при нем¹⁴. М. Ф. Болтенко считал эти сооружения жилищами полуземляночного типа¹⁵, Е. Ф. Лагодовская — культовыми постройками¹⁶.

В эти же годы на территории первого курганного могильника были раскопаны курганы I—2¹⁷, частично I—3¹⁸ и I—4¹⁹. Последние установили типичность для усатовских курганов каменных сооружений. В кургане I—4 обнаружен двойной кромлех с выходами по сторонам света и центральным, куполообразным, полусферического типа, сплошным перекрытием — закладкой, выложенной из камней. Своеобразие архитектуры усатовских кромлехов, их структурные детали, свидетельствующие о ритуальном назначении, позволили И. И. Мещанинову, наблюдавшему их в Усатово в 1929 г., впервые решить вопрос о кромлехах как носителях определенного культового назначения — солнечного культа²⁰.

В 1929 г. в работу по исследованию Усатово включилась Е. Ф. Лагодовская, изучившая кремневые изделия памятника²¹.

¹² М. Ф. Болтенко. Раскопки в Усатово в 1921 г. — Архив ОАМ, с. 18.

¹³ Могильник, расположенный на территории села, отмечается цифрой I, могильник на территории современного кладбища — цифрой II, номера курганов обозначены арабскими цифрами.

¹⁴ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 25; О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., с. 48; ее же. Проблеми Усатівської культури. — Наукові записки, т. I. Уфа, 1943, с. 55.

¹⁵ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 25.

¹⁶ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., с. 48.

¹⁷ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана I—2. — Архив ОАМ.

¹⁸ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана I—3. — Архив ОАМ.

¹⁹ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана I—4. — Архив ОАМ.

²⁰ И. И. Мещанинов. Кромлехи. — ИГАИМК, т. VI, вып. III. Л., 1930, с. 20.

²¹ Е. Ф. Лагодовская. Кремневые изделия Усатово. — Архив ОАМ.

В 1932—1933 гг. работы на поселении возобновились с участием Е. Ф. Лагодовской под общим руководством М. Ф. Болтенко. В юго-западной части поселения была открыта каменная кладка, которая, по мнению Е. Ф. Лагодовской, связывалась с каменными кладками, открытыми М. Ф. Болтенко в 1921 г. на раскопе А²². При снятии грунта вокруг кладки в верхних слоях встречались обломки посуды (тесто без примеси толченых раковин, орнаментация — налепной валик, нарезки и др.), отнесенной исследователями к эпохе бронзы²³, по терминологии М. Ф. Болтенко — Б. Куяльник IV²⁴. В этом же слое обнаружен костяной псалий²⁵.

Работы 1933 г. продолжались на участке, примыкающем к раскопу А 1921 г. Было вскрыто культовое сооружение в виде узкого и длинного прохода, состоящее из невысоких плит, поставленных на ребро. Плиты стояли двумя параллельными рядами на определенном расстоянии друг от друга²⁶ на специально сделанной вымостке из мелкого камня.

В этом же году начато исследование II Усатовской курганной группы, расположенной на территории современного усатовского кладбища в 1 км к югу от Усатово. Кладбищенская группа состояла из 10 курганов с уплощенными невысокими насыпями небольшого диаметра, за исключением одного высокого кургана № 4. Насыпи только трех курганов не были повреждены современными погребениями. Первым был исследован курган II—3, давший коллективное погребение четырех человек в большой яме, заваленной камнями²⁷.

В 1934—1935 гг. исследование памятника не производилось. С 1936 по 1940 г. Е. Ф. Лагодовской были продолжены раскопки I и II курганных могильников. В первом из них были докопаны в 1937 г. курганы I—3 и I—4, а также раскопаны курганы I—5 и I—6, в 1938 г. — курганы I—7 и I—8, в 1939 г. — курганы I—9 и I—10²⁸, в 1940 г. — курган I—11²⁹. Во всех курганах зафиксированы кромлехи, иногда двойные.

Значительный интерес представляли обнаруженные в юго-западных секторах кромлеха специальные конструкции из вертикально поставленных плит. Две такие плиты являются редчайшими образцами первобытного искусства. В кургане I—3 обнаружена плита с изображениями человека, лошади и лошадей, выполненными врезными линиями и рельефом, а в кургане I—11 — плита с рельефным изображением собаки. В плане кладки кромлеха кургана I—9 выявлена безрогая голова быка, схематически высеченная из каменной плиты. В четырех курганах над центральными погребениями обнаружены каменные закладки, а над курганом I—11 — уникальное сооружение в виде купо-

²² Е. Ф. Лагодовская. Дневник раскопок в с. Усатово в 1932 г. — Архив ОАМ, с. 25—26.

²³ Там же, с. 33—35.

²⁴ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 26; О. Ф. Лагодовська. Проблеми усатівської культури..., с. 55.

²⁵ Е. Ф. Лагодовская. Дневник раскопок в с. Усатово в 1932 г. — Архив ОАМ, с. 35; Э. Ф. Патокова. Костяные и роговые изделия из Усатово. — МАСП, вып. 4. Одесса, 1962, с. 193—194.

²⁶ О. Ф. Лагодовська. Усатівська культура..., с. 48.

²⁷ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана I—3. — Архив ОАМ, с. 8.

²⁸ Отчеты Е. Ф. Лагодовской о раскопках курганов I—3 — I—10 хранятся в архиве ОАМ.

²⁹ О. Ф. Лагодовська. Розкопки усатівського кургану I—11. — Наукові записки, т. 2. К., 1946, с. 38—55.

ла. Центральные погребения отличались наличием богатого погребального инвентаря, представленного определенным набором металлических изделий (кинжалы, топоры, шилья, височные кольца) и посуды.

В 1936 г. были исследованы курганы II—1 и II—2 на территории II курганного могильника³⁰. Особый интерес представляет курган II—2, где центральным было погребение человека, имеющего отношение к культу быка, а в культовой яме обнаружено уникальное захоронение головы быка, высеченной из камня³¹. Во II курганном могильнике в отличие от I при центральных погребениях не выявлено оружия, что свидетельствует, по мнению Е. Ф. Лагодовской, об определенной специфике этой группы.

В этом же году начаты также исследования I грунтового могильника, примыкающего с северо-запада к I курганной группе. Как показали раскопки (вскрыто всего три погребения), могильник в значительной степени разрушен добычей известняка³². По мнению Е. Ф. Лагодовской, могильник относится к более позднему времени, чем курганы³³.

После большого перерыва в 1940 г. М. Ф. Болтенко впервые произвел раскопки Усатовского поселения не на плато, а на верхних оползневых террасах с. Б. Куяльник, обнаружившие широкую площадку культового назначения, где среди четырех очагов была открыта в углублении пола плоская «антропоморфная» стела в окружении типичных усатовских находок³⁴.

За довоенные годы усатовских раскопок М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовская при изучении остеологических находок постоянно прибегали к помощи и сотрудничеству Л. А. Браунера, сделавшего ряд интересных наблюдений по восстановлению картины ландшафта и природных условий лиманно-степной полосы Северо-Западного Причерноморья³⁵. Над усатовскими материалами работал также И. Г. Пидопличко³⁶.

Еще после раскопок 1929 г. Усатово было включено в список государственных заповедников УССР. Памятники, добытые раскопками усатовского комплекса, составили одну из самых богатых и интересных коллекций Одесского археологического музея, явились ядром, вокруг которого развернулась экспозиция первобытного отдела в довоенные годы.

В годы Великой Отечественной войны место раскопок в 1942 г. подверглось разрушению в связи со строительством дамбы против разлива лимана³⁷. В 1945 г. исследования в Усатово были возобновлены. Из-за значительного разрушения памятника они носили разведыва-

³⁰ Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках кургана II—1. — Архив ОАМ; ее же. Отчет о раскопках кургана II—2. — Архив ОАМ; ее же. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. — СА, 1940, т. V, с. 239—264.

³¹ Там же, с. 251—254.

³² Там же, с. 259.

³³ О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1946 р. — АП, т. II. К., 1949, с. 201—203.

³⁴ М. Ф. Болтенко. Археологічні дослідження Одеського музею. — АП, т. II. К., 1949, с. 218.

³⁵ Л. А. Браунер. Прошлое степного лиманно-морского ландшафта Правобережной Украины. — Архив ОАМ.

³⁶ И. Г. Пидопличко. До питання про свійські тварини трипільських поселень. — Наукові записки Інституту історії матеріальної культури, кн. 2. К., 1937, с. 113.

³⁷ М. Ф. Болтенко. Итоги исследования Усатово — Архив ОАМ, с. 12.

тельно-подготовительный характер. Проведены раскопки небольшого уцелевшего «островка» на юго-западной периферии поселения³⁸.

В 1946 г. продолжены исследования I грунтового могильника, однако новых погребений не обнаружено. На северном участке поселения (раскоп В, 1921 г.) М. Ф. Болтенко исследовал культурный слой, наблюдая за его стратиграфией³⁹. В 1948 г. на участке, расположенном рядом с I грунтовым могильником⁴⁰, исследовано 10 ям, в которых обнаружена керамика, аналогичная посуде из погребений грунтового могильника. По мнению Е. Ф. Лагодовской, эти ямы имели культовое назначение и увязывались с грунтовым могильником⁴¹.

В результате комплексного многолетнего исследования усатовского поселения и связанных с ним трех некрополей накоплен огромный фактический материал, позволивший совершенно по-новому показать слабо изученный до Октябрьской революции древнейший период лиманно-степной полосы Северного Причерноморья в эпоху энеолита (рисунок). Итоги изучения этого материала были обобщены в работах основных исследователей Усатово — М. Ф. Болтенко и Е. Ф. Лагодовской. Сделаны общие исторические выводы о месте этого памятника среди других энеолитических культур Украины, их взаимосвязях с передовыми культурными центрами Восточного Средиземноморья; освещены хозяйственные формы, быт и идеология.

Еще в 1924 г. М. Ф. Болтенко, выступая в Ленинграде с докладом на заседании ЛОИИМК об итогах раскопок в Усатово, ввел термин «усатовская культура». Об «усатовской культуре» и ее исторических связях М. Ф. Болтенко сделал доклад на IV научной конференции ИА АН УССР (1941 г.), изложив основные положения по исследованному памятнику⁴². По мнению М. Ф. Болтенко, выгодное местоположение Усатовского поселения в Одесской бухте, его природные условия (соседство с открытой травянистой степью, лиманами и их характерной солончаковой растительностью) создали благоприятные условия для раннего развития скотоводства.

О культурной близости Северного Причерноморья с малоазийско-эгейской областью, кроме средиземноморского металла, свидетельствовали, по мнению М. Ф. Болтенко, и другие памятники: кромлехи, глиняные чаши и кубики с изображением косоугольного креста — эмблемой солнца и огня, плиты с изображениями, сопоставляемые с памятниками критской культуры.

Будучи широко эрудированным ученым, М. Ф. Болтенко дал развернутый филологический анализ имен скифских легенд, сохранных Геродотом, в сопоставлении их с данными языка и фольклора современных народов, населяющих области распространения древнеусатовской культуры и памятников скифских племен. Он показал тесные связи всей евразийской степи с догреческим и негреческим средиземноморьем, особенно с фракийско-пеласгическим кругом народов Трояды, Лемноса и др.

Усатовская культура представлялась М. Ф. Болтенко как местная причерноморская лиманно-степная, имеющая свои самостоятельные

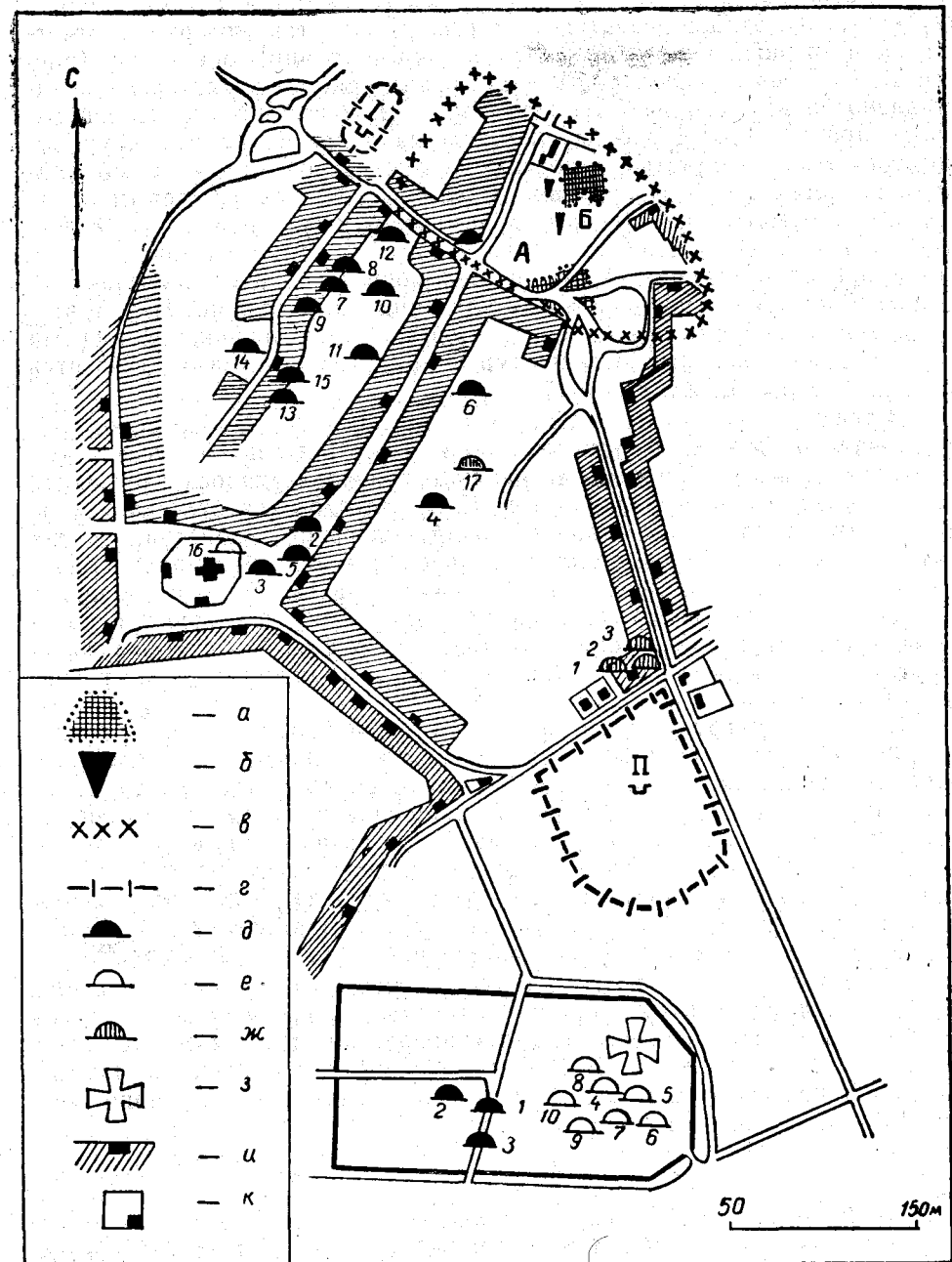

Схема расположения археологических памятников на территории с. Усатово:

а — раскопки на поселении; б — местоположение «коридоров»; в — граница поселения; г — границы групповых могильников; д — исследованные курганы; е — неисследованные курганы; ж — разрушенные курганы; з — современное кладбище; и — сплошная застройка; к — отдельные усадьбы.

³⁸ М. Ф. Болтенко. Археологічні дослідження..., с. 218.

³⁹ О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1946 р..., с. 203.

⁴⁰ О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1948 р. — АП, т. IV. К., 1952. с. 124—130.

⁴¹ Там же, с. 130.

⁴² М. Ф. Болтенко. Тезисы доклада на IV научной конференции в Киеве в 1941 г. — Архив ОАМ.

корни развития. Опираясь на стратиграфические наблюдения, он наметил несколько этапов развития усатовского общества, которым соответствовали разновременные культурные напластования поселения (раскоп В)⁴³. Первый—начальный этап, в культурном слое которого представлено большое количество костей тура (Б. Куяльник I). Второй период характеризуется ростом скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота, отсутствием посуды из отмученной глины, преобладанием посуды с примесью раковин в тесте, украшенной ногтевым орнаментом и бугорками, шнуровым орнаментом упрощенного стиля (Б. Куяльник II). Третий период — дальнейшее развитие скотоводства, в стаде преобладает овца, есть лошадь; появляется расписная посуда, «уточенный стиль» шнуровой орнаментации (Б. Куяльник III). К этому времени расцвета относятся усатовские могильники. Четвертый период, представленный отдельными культурными пятнами, относится к эпохе бронзы (Б. Куяльник IV)⁴⁴.

В течение ряда лет Е. Ф. Лагодовская, как и М. Ф. Болтенко, придерживалась мнения о существовании самостоятельной усатовской культуры. В дальнейшем, когда позднее Триполье удалось расчленить на несколько локальных вариантов, Е. Ф. Лагодовская отнесла памятники усатовского типа к одной из локальных групп позднетрипольских памятников. Свообразие усатовского варианта она объясняла наличием новых этнических элементов, принявших участие в его сложении⁴⁵. Возросшее количество памятников позволило Е. Ф. Лагодовской определить территорию расселения усатовских племен (между реками Прутом и Ю. Бугом) и составить карту памятников усатовского типа⁴⁶.

Подробно охарактеризовав хозяйственный уклад усатовских племен, Е. Ф. Лагодовская большое внимание уделяла раскрытию их общественных отношений. Она выделила курганы, имеющие характер индивидуальных погребений вождей, и пришла к выводу о начавшемся процессе имущественного и социального разложения в усатовском обществе, подчеркнув патриархальный характер последнего. Погребения в курганах на горизонте она рассматривала как захоронения социально низших (рабов)⁴⁷. Много внимания в работах Е. Ф. Лагодовской уделено идеологическим воззрениям древних усатовцев⁴⁸.

Впервые Е. Ф. Лагодовской были отмечены определенные отличия между отдельными памятниками усатовского типа, особое внимание обращено на взаимоотношения позднетрипольских племен со степными племенами Левобережья⁴⁹. В 1953 г. на основании усатовских медных кинжалов критского типа она датировала усатовские памятники концом III — началом II тысячелетия до н. э.⁵⁰

⁴³ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 42.

⁴⁴ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология..., с. 42; О. Ф. Лагодовская. Проблемы усатовской культуры..., с. 65—66; ее же. Усатовська культура..., с. 56.

⁴⁵ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятник усатівського типу. — Археологія, т. VIII, К., 1953, с. 96.

⁴⁶ Там же, с. 101.

⁴⁷ О. Ф. Лагодовська. Розкопки усатівського кургану I—II, с. 39; ее же. Проблемы усатовской культуры..., с. 60—62.

⁴⁸ О. Ф. Лагодовська. Проблемы усатовской культуры..., с. 60.

⁴⁹ О. Ф. Лагодовська. Пам'ятники усатівського типу..., с. 99.

⁵⁰ Там же, с. 96.

Основные аспекты истории усатовских племен подробно охарактеризованы в 1949 г. Т. С. Пассек в монографии, посвященной периодизации трипольских поселений, в которой впервые были датированы позднетрипольские, в том числе и усатовские, памятники началом II тысячелетия до н. э.⁵¹ В 1962 г. Т. С. Пассек, изменив всю хронологическую схему Триполья, отнесла памятники позднего этапа ко II половине III тысячелетия до н. э.⁵² Большое значение для решения вопроса о сложении памятников усатовского типа имеют материалы позднетрипольского Выхватинского могильника в Поднестровье, исследованного Т. С. Пассек⁵³.

В 1960 г. впервые за послевоенные годы Одесский археологический музей возобновил работу на территории I курганного могильника. Под руководством автора был раскопан курган I—12, ближайший к поселению⁵⁴. Среди инвентаря центрального погребения кургана впервые в Усатово обнаружено медное долото майкопского типа⁵⁵. Эта находка, свидетельствующая о восточных связях Усатово, расширила представления о типах металлических предметов, бытовавших у древних усатовцев. В инвентаре этого погребения выявлено также семь трапедий микролитического облика, служивших, по заключению П. Ф. Коробковой, вкладышами составного орудия⁵⁶.

В 1961—1962 гг. исследованы курганы I—13 и I—15. Исключительно богатым было центральное погребение кургана I—13, представленное, кроме посуды, 14 металлическими предметами (медное долото, топор, шило и 11 серебряных височных колец из толстой проволоки). Обычно при погребениях встречались одно — три височных кольца в виде несомкнутого круга или спирали в 1,5 оборота. Кроме отмеченных форм, здесь впервые встречены кольца в три (2 экз.) и четыре (2 экз.) оборота спирали⁵⁷. Заслуживает внимания также находка верхней части каменного антропоморфного изображения, встреченного в Усатово впервые⁵⁸.

Данные раскопок курганов I—12 и I—13 позволяют судить о непосредственных контактах древних усатовцев с племенами Кавказа. Медные долота, обнаруженные в них, имеют ближайшие аналогии в памятниках майкопской культуры. Их близость не ограничивается только типологическим сходством. По результатам спектрального анализа, усатовские долота отлиты из мышьяковистых бронз кавказской горно-металлургической области⁵⁹. Е. Н. Черных пишет о существовании местного усатовского металлообрабатывающего очага, ведущую роль

⁵¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. — МИА, № 10. М.—Л., 1949, с. 208—210.

⁵² T. P a s s e k. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'époque néolithique. — VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS, Moscou, 1962.

⁵³ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. — МИА, 1961, № 84, с. 140—182.

⁵⁴ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12.—КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1963.

⁵⁵ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. VIII.

⁵⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. Ф. Коробковой за определение функционального назначения усатовских кремневых орудий.

⁵⁷ Э. Ф. Патокова. Раскопки усатовского кургана I—13. — КСОГАМ за 1961 г. Одесса, 1963, с. 112—116.

⁵⁸ Там же, с. 16.

⁵⁹ Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР.— КСИИМК, вып. 123. М., 1970, с. 23—31; его же. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 51—72, 114—122.

в котором играли мышьяковистые бронзы Кавказа. В усатовской коллекции из них изготовлено 26 предметов. Влияние Кавказа в типологии форм больше всего проявилось в круглых долотах с четырехгранным насадом⁶⁰.

В связи с изложенным выше представляют интерес погребения № 2 и 3 кургана I—12 (по-видимому, одновременные, впущенные через насыпь), в инвентаре которых встречены сосуды с шаровидным туловом, украшенные вертикальными углубленными линиями, аналогичные сосудам из Голеркан⁶¹. Эти сосуды исследователи также сближают с керамикой майкопской культуры⁶².

При раскопке кургана I—15⁶³ впервые встречены небольшие пронызки из тонких медных пластинок, аналогичные медным пронызкам софиевского могильника⁶⁴.

В 1962 г. В. Г. Збеневич исследовал здесь сильно разрушенный курган I—14. Сохранилась южная половина кромлеха, в юго-западном секторе которого находились две каменные плиты, стоящие в древности вертикально⁶⁵. В этом же году В. Г. Збеневичем начаты исследования II грунтового могильника⁶⁶. Одесским археологическим музеем под руководством автора (1964, 1969, 1971, 1973 гг.)⁶⁷ продолжено исследование могильника. Могильник расположен на юго-восточной окраине с. Усатово в непосредственной близости от II курганной группы⁶⁸. Исследована площадь около 1500 м², на которой вскрыто 31 погребение и 15 культовых ям. В большинстве случаев погребения располагались группами, отдаленными друг от друга на значительное расстояние. Большая часть погребений отмечена плитами, каменными закладками. Основные черты погребального обряда, характерные для усатовских курганов (форма и размеры погребальных ям, заполнение их камнями, положение и ориентировка погребенных и др.) прослеживаются и в бескурганном могильнике.

Инвентарь могильника представлен в основном посудой небольшого размера, изготовленной преимущественно из массы с примесью толченых ракушек (90%). Свообразие могильника проявляется в наличии новых форм посуды, неизвестных в курганных могильниках. Своей специфичностью выделяется большой сосуд с яйцевидным корпусом и

⁶⁰ Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки..., с. 61.

⁶¹ Э. Ф. Патокова. Усатовский курган I—12, с. 115—118, табл. V, 4, 6; табл. VI, 3, 5.

⁶² Т. Г. Мовша. Памятники выхватинского типа. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 32; ее же. Периодизация та хронологія середнього та пізнього Трипілля. — Археологія, вип. 5. К., 1972, с. 15.

⁶³ Э. Ф. Патокова. Раскопки усатовского кургана I—15 в 1960 г. — КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 44—47.

⁶⁴ Ю. М. Захарук. Софіївський гілопальний могильник. — АП, т. IV. К., 1952, табл. I, 4, 5.

⁶⁵ В. Г. Збеневич. История позднеднестропольских племен Северного Причерноморья. К., 1974, с. 39.

⁶⁶ В. Г. Збеневич. Раскопки бескурганного могильника в с. Усатово. — КСОГАМ за 1962 г. Одесса, 1964, с. 37—45.

⁶⁷ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 201—210; ее же. Раскопки Усатовского бескурганного могильника. — АО 1969 г. М., 1970, с. 230—231; ее же. Раскопки Усатовского могильника. — АО 1973 г. М., 1974, с. 325.

⁶⁸ В настоящее время на площади, непосредственно примыкающей с севера ко II грунтовому могильнику, зафиксировано не менее трех курганов, почти полностью разрушенных современными постройками. Они, по-видимому, входили в отдельную курганную группу.

высокой шейкой, свидетельствующей, по нашему мнению, о наиболее ранних связях Усатово со степными племенами Днепровского Левобережья⁶⁹. Не встречаются в курганах четырехгранные, прямоугольные в плане сосуды⁷⁰. Типичны для грунтового могильника кубки — маленькие сосуды с очень высокой шейкой, низким шаровидным телом и уплощенным или круглым дном, густо украшенные шнуровым орнаментом⁷¹. Такие сосуды в I курганном могильнике вообще не зафиксированы, а во II найден только один подобный сосуд. Кубки грунтового могильника не имеют прямых аналогий как среди синхронных культур, так и среди памятников более раннего времени. Аналогичные сосуды известны в памятниках культур шнуровой керамики (среднеднепровской, прикарпатской)⁷².

Показательным является также наличие большого количества антропоморфных фигурок, открытых исследованиями грунтового могильника. В I курганном могильнике (15 курганов) обнаружена всего одна фигурка, во II (3 кургана) — шесть, причем четыре из них открыты в одной яме; во II грунтовом могильнике зафиксировано уже 14 экз. Определенные отличия, установленные нами между керамическими комплексами усатовских курганных могильников и II грунтового, позволяют сделать вывод о существовании хронологических различий между последними.

В 60—70-е годы открыт и изучен ряд новых памятников усатовского типа. Среди них наиболее значительными в Нижнем Поднестровье являются исследования усатовского поселения у с. Маяки, открывшие древние рвы и большой вещественный материал⁷³. Для решения вопросов синхронизации усатовских памятников большое значение имеют стратиграфические данные курганов, исследованных в междуречье Днестра и Дуная (у г. Болград, сел. Нерушай, Огородное и др.)⁷⁴.

Значительные успехи достигнуты также в изучении позднеднестропольских памятников Поднестровья, ряда энеолитических культур Украины и Кавказа, синхронных Усатово культур Нижнего Подунавья. Полученный этими исследованиями материал позволяет по-новому рассматривать вопросы, связанные с историей усатовских племен. В частности, установлена большая роль степных компонентов в культуре последних. Исследователи отмечают, что многие специфические черты усатовских памятников были обусловлены влиянием ряда культур — нижнемихайловской, среднестоговской⁷⁵, ямной и кавказского населе-

⁶⁹ Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского бескурганного могильника в 1964 г., с. 210, рис. 2, 2.

⁷⁰ Там же, с. 206, рис. 4, 18.

⁷¹ Там же, с. 203, рис. 2, 7; с. 204, рис. 3, 13.

⁷² И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. — СА, 1963, № 2, с. 16, рис. 2, 1, 2, 4, 6; Археологія Української РСР. К., 1971, с. 305; рис. 84, 78.

⁷³ В. Г. Збеневич. Поселение усатовского типа у с. Маяки. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 192—200.

⁷⁴ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра. — МАСП, вып. 6, ч. I. Одесса, 1970, с. 5—116; Л. В. Субботин, Н. М. Шмаглей. Болградский курганный могильник. — МАСП, вып. 6, ч. I. Одесса, 1970, с. 116—129; Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглей. Курганы у с. Огородное. — МАСП, вып. 6, ч. I. Одесса, 1970, с. 130—155; Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков, И. Л. Алексеева. Курганы Нижнего Подунавья. — АО 1970 г. М., 1971, с. 233—234.

⁷⁵ Т. Г. Мовша. Периодизация та хронологія середнього та пізнього Трипілля. — Археологія, вип. 5. К., 1972, с. 14.

ния⁷⁶. Отмечены контакты с западными соседями (культура Черновода)⁷⁷. Появилась возможность на более широком историческом фоне среди многих синхронных культур рассматривать вопросы сложения и дальнейших судеб усатовских племен, лучше охарактеризовать их культурное своеобразие. Наиболее полно эти вопросы освещены в монографическом исследовании В. Г. Збеновича⁷⁸.

Вопросам изучения усатовских памятников и их интерпретации значительное внимание уделено в работах зарубежных исследователей в связи с решением важных этно-исторических проблем древнейшей истории Юго-Восточной Европы⁷⁹. Более широкому ознакомлению мировой исторической науки с усатовским комплексом способствовало также посещение памятника крупными западноевропейскими учеными (А. Н. Тальгрэн, Г. Розенберг, Т. Сулимирский и др.).

Однако, несмотря на многолетнее изучение памятников усатовского типа, ряд проблем в истории усатовских племен остается нерешенным. Очень важны и требуют дальнейшей разработки вопросы периодизации и относительной хронологии. Относительная хронология усатовских памятников, предложенная В. Г. Збеновичем, нуждается в дальнейшем уточнении⁸⁰. Не решены вопросы хронологических соотношений между двумя усатовскими курганными группами, курганными и грунтовыми могильниками, отсутствует хронологическая дифференциация отдельных групп погребений. Все еще не определен антропологический тип людей, оставивших усатовские памятники; антропологические материалы в большинстве своем не обработаны и не опубликованы, за исключением двух черепов плохой сохранности из II усатовского грунтового могильника⁸¹. До сих пор не нашли должного аргументированного решения вопросы, связанные с жилыми комплексами Усатовского и Маяцкого поселений, назначением «загадочных коридоров» в Усатово и ров на Маяцком поселении. Именно в этом направлении должны идти дальнейшие исследования памятников усатовского типа. Как показали раскопки, произведенные Одесским археологическим музеем в 1974 г., наиболее перспективен в этом отношении комплекс усатовского типа, включающий поселение и могильник у с. Маяки⁸².

⁷⁶ В. Г. Збенович. Кераміка усатівського типу. — Археологія, т. XXI, К., 1964, с. 76; его же. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я. — Матеріали з антропології України, вип. 7, К., 1973, с. 75—77; его же. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья. К., 1974; Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников. — СА, 1971, № 1, с. 31—54; Е. Н. Черных. О древнейших очагах..., с. 29.

⁷⁷ V. Dumitrescu. Considerations et données nouvelles sur le problème du synchronisme des civilisations de Cucuteni et de Gumelnita. — Dacia, VIII, 1964, с. 53—66; J. Nestor. Istoria Rumuniei, 1963, с. 15; В. Г. Збенович. Кераміка усатівського типу..., с. 76; его же. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я, с. 76; его же. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья..., с. 103.

⁷⁸ В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена Северного Причорноморья. К., 1974.

⁷⁹ T. Sulimirski. Corded Ware and Globular Amphore North-East of the Carpathians. London, 1968, с. 79—82; его же. Prehistoric Russia. London, 1970, с. 180—181; L. Kilian. Schnurkeramik und Ockergrabkultur. — SMYA, 59, № 2, Helsinki, 1957, с. 35—41, 50—52; M. Gimbutas. Notes of the Chronology and Expansion of the Pitgrave Culture. — L'Europe a l'afin de l'age de la pierre. Praha, 1961, с. 198.

⁸⁰ В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена..., с. 131—134.

⁸¹ Г. П. Зиневич. Палеоантропологический материал из Усатовского могильника. — КСОГАМ за 1964 г. Одесса, 1964, с. 124—128.

⁸² К. В. Зиньковский, Э. Ф. Патокова. Отчет об охранных раскопках у с. Маяки. — Научный архив ИА АН УССР.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Изучение археологических памятников эпохи энеолита и бронзы степной части Северо-Западного Причерноморья началось еще в прошлом веке на заре развития русской археологической науки. Большую роль в организации археологических исследований на юге Украины и собирании материалов сыграли Одесский археологический музей (основан в 1825 г.) и Одесское общество истории и древностей (основано в 1839 г.), относящиеся к числу первых научных археологических организаций России¹. Основное внимание археологов XIX в. было направлено на античные памятники, однако на страницах «Записок», печатных протоколов и ежегодных отчетов Одесского общества публиковались отдельные находки эпохи бронзы. Так, еще в 1848 г. в с. Козорезово был найден небольшой клад предметов эпохи бронзы², а в 1856 г. — Коблевский клад³. Хотя предметы кладов были отнесены к более поздней скифской поре, их публикация явилась положительным фактом. Однако интерес исследователей в то время до такой степени был направлен к «классическим древностям», что памятники эпохи бронзы получали подчас самое неожиданное истолкование. Так, Н. Н. Мурзакевич относил бронзовые серпы из Козорезовского клада к числу специальных скифских ножей для скальпирования, описанных Геродотом. Стремление локализовать древние населенные пункты и повышенное внимание к произведениям древних античных авторов предопределили и особое отношение первых исследователей археологических памятников Северо-Западного Причерноморья к киммерийской проблеме⁴. Более древние периоды, о которых не было никаких письменных сведений, долгое время не привлекали археологов и оставались покрытыми настоящим «киммерийским мраком».

Большое значение для систематизации археологических знаний и разработки вопросов хронологии археологических памятников имели работы русских археологов, которые пытались обобщить сведения обо всех археологических находках в определенных географических районах. Одной из первых таких археологических карт, посвященных Северо-Западному Причерноморью, был известный труд А. С. Уварова⁵. Хотя автор и не распределил собранный им материал по хронологическим периодам, однако ему удалось точно зафиксировать многие археологические памятники различных эпох, например курганы у с. Шабо

¹ М. С. Синецкин. Развитие археологии в Одессе. — ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960; М. Г. Попруженко. Одесское общество истории и древностей. — ИВ, т. XI, 1914; Б. В. Варнеке. Краткий очерк деятельности Одесского общества истории и древностей. — ЖМНП, т. XII, 1914; В. Н. Юргевич. Одесское общество истории и древностей. — ЗООИД, т. XIV. Одесса, 1870; С. С. Дложевский. Одесский державный историко-археологический музей. К., 1927; А. А. Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 44.

² Н. Мурзакевич. Древности, открытые в Херсонской губернии. — ЗООИД, т. III. Одесса, 1852, с. 567—570, табл. X.

³ Отчеты Одесского общества истории и древностей (1840—1890), с. 19.

⁴ Ф. Брун. О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени. — ЗООИД, т. VII. Одесса, 1868; А. Подберезский. Киммерийские памятники. — ЗООИД, т. VII. Одесса, 1868; Н. Надеждин. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. — ЗООИД, т. I. Одесса, 1844, и др.

⁵ А. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. II. СПб., 1856, с. 143—151.